

ВЯЧЕСЛАВ МОРОЗОВ

СЕВЕРНАЯ ФАМИЛИЯ

Несколько лет тому назад обстоятельства моей журналистской работы привели меня в Санкт-Петербург, в фирму “Живой свет”, занимающуюся изготовлением необычных источников освещения. Но так уж случилось, что, познакомившись с руководителем этого предприятия, Борисом Сергеевичем Морозовым, я больше заинтересовался его происхождением и историей его рода. Оказалось, любопытная эта история – история северной, холодной, но очень русской фамилии и с очень русской судьбой!

– Дед мой, Морозов Парфентий Александрович, – начал свой рассказ Борис Сергеевич, – родился в селе Никольском Вологодской губернии в 1891 году. По его словам, в селе проживали практически две фамилии – Морозовы и Порошины. Женились и выходили замуж друг за друга, все друг другу маленько родственники. Село было большое: в 1896 году оно насчитывало более 300 дворов, имелась каменная церковь, маслобойня.

К 15 годам дед уже выглядел как молодой мужик: рост – 184 сантиметра, мышцы – буграми. Артель плотников взяла его с собой в Архангельскую губернию – строить дома зажиточным. Ушёл он в апреле, вернулся в сентябре. Привёз кобылу, воз пшеницы и 200 рублей денег – целое состояние: корова стоила от 5 до 8 рублей. . .

Первую мировую войну он до конца жизни называл Отечественной. На войну ушёл в 1915 году, а уже через год с небольшим имел четыре “Егория” – полный бант. Четвёртый крест ему лично вручал Государь Николай II, после чего дед был зачислен в личную гвардию императора. Питер ему не понравился: рабочие бунтуют, в газетах ругают царя (читать он умел, закончил 4 класса церковно-приходской школы), демократические агитаторы призывают солдат к дезертирству. . . Как я потом уразумел, дед при любой власти был сторонником порядка в государстве. А вообще он был замкнутым и загадочным человеком. Достаточно сказать, что его родные дети даже не подозревали, что их отец полный Георгиевский кавалер, это он уже на старости лет рассказывал мне, внуку, кое-какие эпизоды из своей жизни, и то мозаично.

Те, кто помнил его по молодым годам, вспоминали, что до начала войны зимой на льду Сухоны селяне устраивали рукопашные бои, а вот дед Парфентий не дрался. Его кликали, когда драку надо было заканчивать. Он проходил сквозь дерущихся, толпа разваливалась на две половины, и бабы начинали разбирать своих мужиков. Так что легко верилось в то, что на фронте он немца насаживал на штык и перебрасывал через себя, как сноп соломы. Все “кресты” у него были за рукопашные схватки.

Когда он сбежал из предреволюционного Питера обратно в окопы, немцы к тому времени построили на том участке, где находилась его часть, рокаду и пустили вдоль линии фронта бронепоезд, который сровнял с землёй русские окопы. Дед спасся потому, что во время обстрелов имел привычку не ложиться на дно траншеи, а садиться, прислонясь спиной к стенке. Ударил снаряд – его контузило и завалило землёй. Очнулся – нечем дышать, в голове гул.

Рванулся наверх – получилось, выбрался на бруствер. Лежачего бы задавило... Когда очнулся и вылез из траншеи, уже наступили сумерки. Увидел вранде санитаров, окликнул. “Санитары” оказались немцами. Так и взяли в плен контуженного унтера Морозова с четырьмя Георгиями на груди.

Наши боевые “кресты” немцы уважали, и деда определили не в концлагерь для военнопленных, а отправили в Восточную Пруссию, в работники к одному зажиточному немцу с фамилией Бауэр. Жизнь не вольное, но и не собачье. Хозяин кормил, даже платил сколько-то марок за работу – на мелкие расходы. На грех, у него была дочка на выданье по имени Эльза. За два года она родила двух сыновей...

В 1918 году дед сумел вернуться в Россию – через Галицию. Прибыл в Петроград, явился к военному коменданту, доложил. Его определили начальником караула в Шлиссельбургскую крепость, а через несколько недель арестовали – по ошибке. У него в карауле оказался солдатик по фамилии Морозов, которого взяли с поличным: зашил себе в карман ворованный сахар. Деда взяли “до пары”, посчитав за родственника, а значит, потенциального соучастника. Разобрались – отпустили. Но деда сам факт подозрения в воровстве возмутил больше, чем арест: герой войны, грудь в крестах, а он сахар крадёт?... Перед ним революционная власть извинилась, но дед Парфентий обиду не простил и подал рапорт об отправке на фронт.

В итоге он оказался в составе 1-й Конной под началом Семёна Михайловича Будённого. Вспомнил дед об этом своём периоде жизни тогда, когда я – по книжке – выстругал себе из деревяшки револьвер – точно по размерам – и показал ему. Мне было в ту пору лет десять. Дед повертел мой “револьвер” и сказал: “Похоже. У меня такой же был”. Оказывается, в гражданскую его трижды представляли к ордену Красного Знамени. Первый раз – за рубку, когда их было меньше раз в пять, чем белых. У них в отряде была отработана следующая тактика: самый мощный рубака впереди, сзади него скачет так называемый “меткач”, у которого в руках по револьверу, а шашка – поперёк седла. Пока не заканчивались патроны, “меткач” охранял ведущего рубаку, куда тот продельвал “коридор”, а только потом сам брался за шашку. У деда в левом рукаве всегда был револьвер или браунинг на резинке: тряхнёшь рукой – он сам в ладонь ложится. В этой неравной схватке такой же здоровенный, как он, белый офицер перерубил его клинок. Дед поднял кобылу на дыбы, и кто-то с земли по ней выстрелил. Успел соскочить с раненой лошади, чтобы не быть придавленным, и тут его спас от занесённой сабли этот браунинг в рукаве... Офицерская сабля оказалась из дамасской стали, точной выделки, с алмазной звездой на эфесе. Комиссар в пыльном шлеме, из бывших аптекарей, увидев такую драгоценность, тут же прокартавил: “Сдать в фонд геволуции!” Парфентий молча поднёс комиссару дулю к самому носу, велел понюхать, потом добавил: “Сдам, когда научишься “р” выговаривать. Никакого “фонда геволуции” я не знаю”. Комиссар вспылил: мол, тебя, антисемита поганого, представили к ордену, так я сделаю всё, чтоб ты этот орден не получил. “Повесь его себе хоть на ж...”, у меня и так вся грудь в золоте. А про саблю и думать забудь – не отдам!”

Второе представление к ордену тоже было своеобразным по тем временам. За успешную боевую операцию Парфентию предложили: либо представление к ордену, либо красные штаны с кожей на коленках и “пятой точке” плюс отрез трофейного сукна. Дед без раздумий выбрал второе, поскольку весь износился в походах.

Третье представление он вспоминал с содроганием. Они ночью в конной разведке двумя полусотнями порубили полк белых, это было на юге России, летом 1920 года. Полусотни остановились на двух холмах – и вдруг увидели, как между ними бесшумно движется строй солдат – ноги тряпками обмотаны. Кинулись в бой, не зная численности противника. К утру пригнали в расположение части три сотни совершенно деморализованных пленных. Когда деду объявили, что на него подано представление к ордену, он сказал: не надо никаких орденов, я устал от крови, дайте отпуск, а то свихнусь. Какой тебе отпуск – “чёрного барона” Врангеля добить надо! Упёрся: больше не могу ни воевать, ни убивать, дайте душе успокоиться!.. Вылопотал-таки отпуск. За две недели путь до дома он смог пройти только наполовину: разруха кругом, в том числе и на железных дорогах. Продлил в каком-то ревкоме отпуск ещё на неделю, а через пару дней узнал, что под Варшавой армия Тухачев-

ского потерпела поражение. Взыграло сердце, плюнул на отпуск и повернул от Вологды в сторону Польши. Добраться не успел: военный патруль в одном из белорусских городков задержал его, когда он просрочил целых три дня возвращения в часть, да и оказался совсем не в том месте, куда направлялся согласно имеющемуся документу. Объяснения в расчёт не приняли.

Особо и разбираться не стали – время военное, арестовали как дезертира и отправили в тюрьму на остров Мудьюг, неподалёку от Архангельска. Там он строил тюремные бараки и прочие лагерные сооружения до 1922 года. Всё-таки разобрались и отпустили – не по помилованию, что важно, а как невиновного.

Вернувшись в родную деревню, дед нарушил старинный обычай, взял жену не из своей, а из соседней деревни. С ней нашёл пятерых детей. Первые двое умерли, четвёртым был мой отец.

В 1936 году Парфентия Александровича назначили председателем уездного исполкома. В селе в ту пору жили ещё трое Морозовых – дедовы фронтовые друзья по Гражданской войне. Все такие же, как дед, неуёмные по жизни русские люди. Один из них, Василий Морозов, возглавлял “Заготзерно”. Сдавал зерно из уезда в область, а уж там ему выделяли семенной фонд. В этом 1936 году проверили отпущенные областью семена на всхожесть, а она оказалась ниже 50%. Василий запряг бричку и поехал в Вологду искать правду. Деда предупредил об этом, а остальных друзей – нет. Явился в областную прокуратуру, доложил всё честь по чести: мол, или пусть мне семена заменят, или по осени мне на сыпку везти будет нечего. Разгорячился, орёт, доказывает! Жирному прокурору такое “некультурное” поведение совсем не понравилось, и он ответил примерно так: не посадишь эти семена – посадим тебя, а план по хлебозаготовкам сорвать не позволим. Василию фамильная кровь в ноздри ударила: отыскал “правду”, что называется... В результате прокурор вылетел из окна со второго этажа вместе с рамой и стёклами, а Василия вскоре повязали и упрятали в изолятор. Следователь сообразил, что есть возможность быть замеченным “наверху” раскруткой громкого процесса – состряпать дело о “заговоре” четырёх Морозовых, хоть и не родственники, а все ведь с одной “северной” фамилией...

Двоих друзей Василия в Никольском арестовали, но до областной тюрьмы не довезли – убили “при попытке к бегству”. А когда пришли арестовывать деда, он, как японский ниндзя, растворился в мироздании: нет нигде. Скорей всего, ушёл в леса. Природным своим северным чутьём понял опасность... Куда он исчез и где пребывал до самого 1940 года – не ведаю, а сам он никогда об этом не рассказывал.

А Василий Морозов, кстати, выдержал все пытки, протокол о “заговоре” не подписал. Его посадили в яму с ледяной проточной водой по щиколотку, и он жутко простыл. Ноги опухли, красно-синюшная опухоль поднялась уже “по это самое” – и тогда его отпустили домой помирать, видя, что дело “о коллективном заговоре” не “сшивается”. Однако жена как-то сумела его выходить – травками, припарками, заботой...

В 1940 году откуда-то появился дед и объявил семье, что они переезжают в Вологду. Построил там дом на окраине. А арестовали его, когда уже началась война. Формулировку причины ареста не знаю. Отправили куда-то на Север. Знаю, что он там валил лес и плотничал. Его сына, моего отца, Сергея Парфентьевича Морозова арестовали в 1942 году. Его и младшего братишку (моего дядю Сашу) поймал конный объездчик на колхозном поле с тремя морковками в руках. Отцу было 12 лет, брату – 10. Время голодное, есть-то что-то надо... Увидев объездчика, мальчишки ломанулись в кусты. Младший застрял, старший (мой батя) кинулся ему на выручку. Тут его за шкурку и взяли. Впаяли как несовершеннолетнему “всего-навсего” пять лет и отправили по этапу на Северный Урал. Сначала научили обушком уголёк рубить, потом, когда фронту потребовались снаряды, выучили на токаря. И тут приходит ему из дома письмо от матери, которая сообщает, что объявился Парфентий Александрович. Позже я узнал, что на вокзале в Вологде деда опознал сельчанин из Никольского: весь в лохмотьях, опухший от водянки, бывший красный кавалерист сам не мог добраться до дома. Односельчанин довёз его в бричке.

Отец мой, малолетний зэк, получив письмо от матери, рванул в бега. В 1980 году я через знакомых из КГБ пытался установить, как это его упустили и почему не объявили в розыск. Оказалось, что по официальным докумен-

там мой отец “убит при попытке к бегству”, и лагерное начальство довольно – отчиталось перед высшей инстанцией, и пацан остался жив – всем хорошо. Узнал также, что дед Парфентий Александрович “воевал не только за красных” – и больше ничего. Ни деда, ни отца больше не разыскивали и не арестовывали – это главное.

Дом поменяли. Зажили, отгородившись от всех проблем. Отца взяли в армию в 1949 году, вернулся он в 1954-м. Строил аэропорт в Амдерме – это на северной оконечности Югорского полуострова, потом – ядерный полигон на Новой Земле. После армии он женился. В 1955 году родилась моя сестра, а через год – я. Отец работал начальником участка, затем главным инженером вологодского “Газстроя”. Умер в 1995 году. Уже после его смерти я узнал от его сослуживцев, что под руководством Сергея Парфентьевича Морозова газифицированы все жилые дома в Вологде.

Дед же мой, Парфентий Александрович, прожил 82 года, помер от гриппа.

Закончен рассказ о судьбе фамилии Морозовых... Пока я слушал своего собеседника, меня не оставляло впечатление, что слушаю я не историю жизни простой русской крестьянской семьи, а какой-то приключенческий роман с авантурным сюжетом. Но такие-то вот “сюжеты” излиха преподнес двадцатый век всем русским семьям... Как ещё жива осталась Россия? Но жива она и будет, надеемся, жить, поскольку не иссяк в жилах богатырский заквас могучих её богатырей парфентиев с их такой холодной, но крепкой северной фамилией.